

ФИЛОЛОГИЯ

Г. И. Тираспольский

К происхождению индоевропейского аблаута

УДК 340(37)(038)

В статье исследуется индоевропейский аблаут с опорой на авторскую лингвистическую концепцию, предлагается новое решение ряда важных вопросов возникновения и первоначальной эволюции аблаута.

Ключевые слова: аблаут, морфонология, законы языка, языковые тенденции, языковые случайности.

G. I. Tiraspol'skij. The problem of origin of Indo-European ablaut

The article deals with problem of origin and initial development of Indo-European ablaut. The author uses own theory of the language and makes up new principle conclusions.

Key words: ablaut, morphonology, laws of language, tendencies of language, accidents in language.

Аблаут (апофония, морфонологическое чередование, выступающее в качестве внутренней флексии) – одно из наиболее полно исследованных [3:144–153] и вместе с тем – одно из самых загадочных явлений в истории индоевропейских языков и индоевропейского праязыкового состояния. Несмотря на многолетние усилия лингвистов, выдвинувших ряд предположений [4:126–146], в том числе таких затайливых, как ларингальная гипотеза [2:214; 4:138–146; 5:45–46], остаются без ответа следующие важные вопросы: 1) Как индоевропейский аблаут связан с фундаментальными свойствами гиперязыка (языка как общечеловеческого явления)? 2) Какова непосредственная причина возникновения аблаута? 3) Почему аблауту подвергались и выстраивались в апофонические ряды именно эти, а не другие гласные? 4) В каких функциональных отношениях находились аблаут и

другие морфонологические средства: акцентуация, флексия, префиксация, суффиксация, оппозиция основ? 5) Почему аблаут, несмотря на свою глубокую архаичность, уцелел в позднейших индоевропейских языках, а в ряде из них даже получил развитие?

В настоящей статье предпринимается попытка ответить на эти вопросы с опорой на разработанную нами концепцию гиперязыка (последняя и её положения освещены в ряде публикаций, см., напр.: [6–28]).

Для придания изложению необходимой связности перечислим главные положения названной концепции.

1. По своей природе (т. е. по способу возникновения и применения) гиперязык представляет собой биосоциальное явление.

2. По своей сущности (т. е. по важнейшим свойствам, создающим его качественную определённую) гиперязык представляет собой объект, не сводимый ни к природным, ни к общественным явлениям. Предельно кратко сущность гиперязыка может быть определена как языковая. Главные её проявления: 1) неразрывное сочетание в гиперязыке материального (план выражения) и идеального (план содержания); 2) унитарная дисперсность гиперязыка, обуславливающая его рассредоточенную локализацию; 3) модеративная (замедленная) динамика.

3. Сущность гиперязыка есть производное от его важнейших функций: 1) коммуникативной, обеспечивающей речевое общение; 2) мыслеструктурирующей, обеспечивающей речевое мышление; 3) кумулятивно-систематизирующей, обеспечивающей упорядоченное накопление и обработку потребляемой информации.

4. При исследовании гиперязыка необходимо соблюдать следующие общенаучные положения (принципы): 1) принцип гносеологической незавершённости; 2) принцип дополнительности; 3) принцип качественной определённости; 4) принцип онтологического дуализма; 5) принцип системности; 6) принцип несводимости; 7) принцип функциональной компенсаторности.

5. Гиперязык – это система, т. е. объект, между единицами и разделами которого существуют отношения качественной взаимозависимости. В системе гиперязыка имеются отношения жёсткой, полужёсткой и мягкой системной зависимости, а также сегменты на пра-

вах центра и периферии. Вследствие этого гиперязык представляет собой систему систем, или гиперсистему.

6. Системность гиперязыка порождена следующими системообразующими факторами: 1) законами (закономерностями); 2) тенденциями; 3) случайностями.

7. По степени охвата языков и языковых явлений законы гиперязыка делятся на универсальные, общие и частные. Ведущую роль в гиперязыке играют универсальные панхронические законы, а именно: 1) закон экономии речеслуховых усилий (далее – «закон экономии»); 2) закон эмфазы; 3) закон стабильности.

8. Закон экономии проявляется в стремлении предельно сократить речеслуховые усилия. Его биологическая основа – инстинкт самосохранения.

9. Закон эмфазы проявляется в стремлении говорящих придать своим высказываниям предельную выразительность. Его биологическая основа – инстинкт захвата (присвоения).

10. Закон стабильности не допускает скачкообразных качественных и количественных преобразований гиперязыка, обеспечивая речевое единство представителей разных поколений, живущих в одно и то же время. Его биологическая основа – инстинкт самосохранения.

11. Важной особенностью языковых законов является то, что, подобно природным, языковые законы действуют в определённое время и в конкретном месте. Вместе с тем, если природные законы осуществляются без обязательного присутствия человека, то языковые – с непременным его участием, через его организм и психику. Это открывает возможность для сознательного вмешательства в условия их действия, вмешательства более широкого и активного, чем в случае с природными закономерностями.

12. Законы гиперязыка находятся в отношениях постоянного антагонизма. Их столкновение порождает энергию саморазвития гиперязыка, которое проявляется в существовании разного рода языковых тенденций.

13. Гиперязыковые случайности бывают внутренние и внешние. Внутренние случайности действуют в тех условиях, когда говорящий, поставленный перед необходимостью речевого выбора из равновесных возможностей, предпочитает одну из них по собственному почи-

ну. Внешние случайности связаны с влиянием одного языка на другой, с разного рода процессами интерференции, с субстратными, адстратными и суперстратными явлениями.

14. Изложенная концепция может быть определена как номотически-каузальная (от греч. νόμος «закон» и лат. *causa* «причина»). В соответствии с ней главная задача теоретического исследования языка заключается в выявлении действующих в гиперязыке внутренних закономерностей, тенденций и случайностей (номотический аспект исследования), а затем – в установлении причинно-следственных связей между гиперязыковыми единицами, разделами гиперязыка и гиперязыковыми процессами (каузальный аспект).

Возвращаясь к перечисленным выше вопросам индоевропейской апофонии, отметим прежде всего, что последняя теснейшим образом связана с биологической основой гиперязыка – анатомическими и психофизиологическими свойствами человека, а именно – с устройством и работой речевого аппарата, а также непосредственно определяется действующими в гиперязыке законами экономии, эмфазы и стабильности.

Обратимся к примерам, подтверждающим названные положения (эти и другие примеры с необходимым поправками, уточнениями и дополнениями почерпнуты из работ [3 и 4]).

Как известно, в древних индоевропейских языках самым важным в морфонологическом отношении было выступавшее в корнях слов, суффиксах и флексиях качественное чередование *e // o* (в германских языках отражено как *i // a*), унаследованное из позднепраязыкового состояния (накануне распада индоевропейского языка-основы на отдельные языки). Что же касается периода, предшествовавшего этому состоянию, и особенно – раннеиндоевропейской стадии, то ничего определённого на этот счёт в рамках поставленной проблемы установить не удаётся, за исключением, быть может, того обстоятельства, что наиболее важным в системе раннеиндоевропейского вокализма был гласный *e* [см. в этой связи: 3:81; 1:157]. Его доминирующее положение в системе вокализма и морфонологических явлений не случайно и будет объяснено ниже; пока же только отметим, что гипотеза, согласно которой позднепраязыковой индоевропейский вокализм был представлен, по меньшей мере, пятью парами долгих и кратких глас-

ных (*ī, ĭ, ē, ě, ō, ǒ, ū, ŷ, ā, ā*) [3:150–151, 153, 156, 166; 1:160], убедительно подкрепляется фактами. Есть основания считать, что дифтонги как фонемы в указанный период истории индоевропейского языка ещё не выработались [4:157; ср., однако: 3:87–89], ввиду чего мы оставляем их в стороне.

Поскольку праязыковой аблаут надёжнее всего отражён в корнях полнзначных слов (благодаря их семантическому весу и звуковому объёму), обратимся к корневой апофонии, ср.:

греч.: *φέρω* «несу» // *φόρος* «дань»; *λέγω* «говорю» // *λόγος* «слово, речь»; *δέμω* «строю» // *δόμος* «дом, постройка»;

лат.: *precor* «прошу» // *procius* «жених», первоначально «проситель»; *tegō* «покрываю» // *togā* «покрывало»; *terrā* «земля» // *extorris* «изгнанный»;

др.-в.-н.: *bintu* «вяжу» // *band* «связь»; *singu* «пою» // *sang* «пение»; *hilfu* «помогаю» // *half* «я помогал»;

ст.-слав.: *везѡ* «везу» // *возѡ*; *брѣдѡ* «бреду» // *бродѡ*; *теѡ* «теку» // *токѡ*;

лит.: *tēka* «течёт, бежит» // *tākas* «тропа»; *vēda* «ведёт» // *vādas* «вождь, предводитель, командир»; *kverūoja* «дышит» // *kvākas* «дыхание, дух».

Нетрудно заметить, что аблаутный гласный *e* употреблялся в формах настоящего времени, а гласный *o* – преимущественно в отглагольных именах. С последним выступали и глагольные формы (см. выше *hilfu* «помогаю» // *half* «я помогал»), ср. также:

греч.: *δέδορκα* «я увидел» (перфект) // *δέρκομαι* «смотрю»; *φοβέω* «пугаю» // *φέβομαι* «боюсь»; *φορέω* «ношу» // *φέρω* «несу»;

скр.: *ča-kār-a* «он сделал» // *kar-o-mi* «делаю»;

лат. *monēō* «наставляю, увещаю» // *memini* «помню»;

др.-в.-н.: *bant* «я связал» // *bintu* «вяжу»;

ст.-слав.: *лѣпитѡ* // *липнетѡ*; *носитѡ* // *несетѡ*.

Реже выступал так называемый количественный аблаут: *ō* // *ǒ* (в санскрите ему соответствует *ā* // *ā*, в старославянском *а* // *о*), а также *ē* // *ě*, *ō* // *ě*. Примеры:

греч. дор. πός «нога» // род. пад. ед. ч. ποδός; τροπάω «поворачиваю, изменяю» // трέπω «верчу»;

скр.: *abhārṣam* «я нёс» (аорист) // *bhārāmi* «несу»; *pāt* «нога» // род. пад. ед. ч. *pādaḥ*;

лат.: *pēs* «нога» // род. пад. ед. ч. *pēdis*; *lēgi* «я собрал, прочитал» (перфект) // *lēgo* «собираю, читаю»; *sēdāre* «сажать» // *sēdere* «сидеть»;

ст.-слав.: на-лѣгати // лежати; на-лагати // ложити.

В некоторых случаях *e* или *o* выпадает, вследствие чего возникает чередование гласного с нулём звука (так называемая ступень редукции, или нулевая ступень; в примерах последняя обозначена символом \emptyset), ср.:

греч.: πέλμαι «вращаюсь» // πόλος «ось» // ἐπόλομην «я вращался» (аорист); ἔχω «держу, имею» // ὄχος «держащий» // ἔσοχον «я держал»; δέρκομαι «смотрю» // δέδορκα «я увидел» (перфект) // ἔδοραков «я увидел» (аорист);

скр.: *kar-o-mi* «делаю» // *ča-kār-a* «он сделал» // *koṛtaḥ* «сделанный»; *bharāmi* «несу» // *bharā-vāhāḥ* «носильщик грузов» (*ā* из *ō*) // *bhṛotiḥ* «ношение, ноша»;

гот. *bindan* «вязать» // *band* «я вязал» // *bundan* «связанный» (*un* из $\emptyset n$);

др.-в.-н.: *beran* «носить, рожать» // *barn* «дитя» // *giburt* «рождение» (*ur* из $\emptyset r$); *hilpan* «помогать» // *halp* «я помогал» // *hulpan* «получивший помощь» (*ul* из $\emptyset l$);

ст.-слав.: рекъ «говорю» // пророкъ // рьци «говорить»; мръти (из **mertī*) «умирать» // моръ // мьрж «умираю»; беръ «беру» // съборъ // братьи;

лит.: *telpù* «помещаюсь» // *talpà* «вместимость» // *tilpti* «помещаться» (*il* из *l*); *sergù* «болею» // *sárginu* «ухаживаю за больным» // *siŕgti* «болеть» (*iŕ* из *ŕ*); *renkù* «собираю» // *rankà* «рука» // *rinkti* «собирать» (*in* из *ŋ*).

Краткие гласные иногда чередуются с долгими, и в этом случае аблаутный ряд расширяется: *ě* // *ē* // *ǫ* // *ō* // \emptyset .

В составе суффиксов и флексий названные чередования ничем особенным не отличаются и стали применяться позднее, поскольку аффиксы возникли из полнозначных слов; по этой причине аффиксальную апофонию мы не рассматриваем.

Переходя к теоретическим рассуждениям, начнём с того, что связь аблаута с фундаментальными свойствами гиперязыка заключается в том, что апофония служит одним из средств осуществления его коммуникативной функции: аблаут обеспечивает разграничение и распознавание семантики языковых единиц. Дифференциальные возможности аблаута были особенно важны в ранний период индоевропейского праязыка, когда грамматические аффиксы либо ещё не существовали, либо только начинали складываться.

Такое утверждение носит, однако, слишком общий характер и нуждается в конкретизации, для чего повторим, что аблаутный гласный *e* выступает в формах настоящего времени, а гласный *o* – преимущественно в отглагольных именах.

Употребление в отмеченном чередовании именно этих, а не других гласных (напр., *i* и *a*), объясняется в первую очередь действием закона эмфазы, требующего предельной выразительности языковых единиц. Артикуляторно-акустические свойства аблаутных *e* и *o* вполне отвечали этому требованию, обеспечивая отчётливую противопоставленность названных фонем по ряду, подъёму и по лабиализованности – нелабиализованности. Одновременно с этим аблаутные *e* и *o* подчинялись закону экономии: *e* не столь артикуляторно напряжён по степени подъёма, как *i*, а гласный *o* лабиализован в меньшей степени, чем *u*, а также не столь широк по степени раствора, как *a*.

Доминирующее положение *e* в системе индоевропейского вокализма обеспечивалось тем, что наряду с упомянутыми дистинктивными возможностями, отвечавшими требованию закона эмфазы, этот гласный не имел противоречащих закону экономии дополнительных дифференциальных признаков (напр., лабиализованности, в отличие от *o* и *u*), а также не обладал гипертрофированными дифференциальными признаками (напр., предельно узким раствором, как у гласного *i*, или предельно широким раствором, как у гласного *a*). Тем самым *e* представлял собой фонологическую «золотую середину» системы ин-

доевропейского вокализма, по праву занимая в ней центральное положение.

Действием закона эмфазы объясняется и то уже не раз упоминавшееся обстоятельство, что аблаутный *e* выступает в формах настоящего времени, а гласный *o* – преимущественно в отглагольных именах. Движение языка-органа в полости рта по ряду вперёд при артикуляции аблаутного *e* воспринималось психикой говорящего как имитация производимого действия, а движение языка в полости рта по ряду назад – как подобие отменённого, подавленного или потенциального действия. Сказанному не противоречит существование аблаутного *o* в глагольных формах типа др.-в.-н. *half* «я помогал»: такой апофонический гласный возник в ходе позднейших фонетических процессов, под влиянием фонемной комбинаторики или по аналогии с именными формами.

Весьма вероятно, что долгий аблаутный гласный символизировал длительное или постоянное действие (признак, качество), а краткий – действие, признак, качества им противоположные (см. в этой связи [4:129]). Если согласиться с гипотезой, согласно которой долгий аблаутный гласный развился в ударном положении [1:191; 4:134–135], мы сможем увидеть в этом действие закона экономии: один и тот же гласный выступал и в качестве фонетической единицы, и в роли единицы морфологической. Относительно же нулевой ступени аблаута излишне доказывать, что закон экономии сказывается здесь в полной мере и с наибольшей наглядностью.

В индоевропейских языках, которые не подверглись существенному иноязычному влиянию, дальнейшая судьба аблаута определялась преимущественно действием закона стабильности и закона эмфазы. Хотя индоевропейский глагол и именные части речи со временем обзавелись аффиксами и другими приёмами выражения грамматических значений, аблаут благодаря закону стабильности не был вытеснен новыми грамматическими средствами, а под действием закона эмфазы в некоторых индоевропейских языках (напр., в германских, кроме африкаанса) даже получил развитие.

Разумеется, на судьбу индоевропейского аблаута воздействовали не только закономерности, но и случайности (от которых не избавлен ни один язык мира). Так, можно с уверенностью утверждать, что су-

щественная убыль апофонии в кругу именных форм английского языка была результатом, по меньшей мере, одной исторической случайности, а именно – существенного и многолетнего воздействия на английский со стороны французского языка. Разрушение аблаута (как, впрочем, и всего прежнего флективного строя) в упомянутом языке африкаанс – во многом следствие интенсивного (и лингвистически случайного) влияния на него немецкого, английского, французского, готтентотских, бушменских, банту, а также креольского малайско-португальского языка моряков, торговцев и рабов [29:57].

Вопрос о наличии и содержании тенденций в апофонии современных индоевропейских языков выходит далеко за пределы настоящей статьи, требуя привлечения и исследования обширного языкового материала, ввиду чего ограничимся лишь осторожным предположением о том, что наиболее вероятной представляется тенденция к дальнейшей и неуклонной убыли аблаута как явления, противоречащего (при наличии других грамматических средств) закону экономии речеслуховых усилий, который в триаде упомянутых универсальных панхронических закономерностей представляется самым действенным.

-
1. Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси: Изд-во Тбилисского университета, 1984. Кн. 1.
 2. Кацнельсон С. Д. Метод системной реконструкции и внутренняя хронология историко-лингвистических процессов // Ф. Энгельс и языкознание. М., 1972.
 3. Савченко А. Н. Сравнительная грамматика индоевропейских языков. М.: Наука, 1974.
 4. Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание. М.: Прогресс, 1980.
 5. Серебренников Б. А. Вероятностные обоснования в компаративистике. М.: Наука, 1974.
 6. Тираспольский Г. И. Очерк лингвистической теории. Сыктывкар: Коми государственный пединститут, 2007.
 7. Тираспольский Г. И. Морфолого-типологическая эволюция русского языка. Сыктывкар: Коми республиканская академия госслужбы и управления при Главе Республики Коми, 2003.

8. Тираспольский Г. И. Типологическое преобразование склонения существительных (на материале славянских языков). М.: Московский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина, 1985.

9. Тираспольский Г. И. Начальный курс языкознания. Сыктывкар: Коми государственный пединститут, 1999.

10. Тираспольский Г. И. Изучение теоретической лингвистики в условиях её кризиса // Академические чтения. СПб.: Изд-во РПГУ им. А. И. Герцена, 2002. Вып. 3. Теория и практика модернизации отечественного образования.

11. Тираспольский Г. И. Система языка и системность в языке // Филологические науки. 1999. № 6.

12. Tiraspolskij G. I. Phonologisches System der Komi Sprache unter dem russischen Einfluß // Седьмой Международный конгресс финно-угроведов: тезисы докладов. Дебрецен, 1990. Т. 2.

13. Тираспольский Г. И. Становится ли русский язык аналитическим? // Вопросы языкознания. 1981. № 6.

14. Тираспольский Г. И. Типы слов и части речи. Пермь: Пермский государственный университет, 1978.

15. Тираспольский Г. И. О границах русского синтаксического строя // Zeszyty naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Opolu. Filologia Rosyjska. 1992. № 29.

16. Тираспольский Г. И. Некоторые теоретические предпосылки сопоставительного анализа склонения существительных в русском и немецком языках // Сопоставительный анализ лексических и грамматических единиц (категорий) в русском и германских языках: сборник научных статей. Вологда, 1987.

17. Тираспольский Г. И. Немецкие стивы // Теория языка. Компаративистика. Германистика: сборник научных статей. Архангельск, 2000.

18. Тираспольский Г. И. Русские стивы. Сыктывкар: Коми республиканская академия госслужбы и управления при Главе Республики Коми, 2005.

19. Тираспольский Г. И. Об одной синтаксической особенности русской речи коми учащихся // Русский язык в национальной школе. 1980. № 5.

20. Тираспольский Г. И. Финно-угорское влияние на русский язык как прогностический материал // Общие проблемы преподавания языков: тезисы международной научно-методической конференции МАПРЯЛ. Сыктывкар, 1998.

21. Тираспольский Г. И. Вокатив и падежная система // Филологические науки. 1984. № 2.

22. Тираспольский Г. И. К вопросу об условиях и причинах утраты болгарского субстантивного склонения // Советское славяноведение. 1980. № 4.
23. Тираспольский Г. И. Аканье. Вологда: Вологодский государственный пединститут, 1990.
24. Тираспольский Г. И. Акцентуация и лексико-грамматические процессы // Русский язык в школе. 1996. № 6.
25. Тираспольский Г. И. К проблеме контактов финно-угорских языков с праславянским // Финно-угроведение. 2001. № 2.
26. Тираспольский Г. И. Историко-типологические наблюдения над коми-зырянским склонением // Историко-культурные связи пермских народов (по данным фольклора и языка): сборник научных статей. Ижевск, 1981.
27. Тираспольский Г. И. Некоторые особенности преподавания теоретической лингвистики в условиях её кризиса // Формирование и развитие языковой личности в школе и вузе: сборник статей. Сыктывкар: Коми государственный пединститут, 2004.
28. Тираспольский Г. И. Гиперязык и лингвистика // Инновации и традиции науки и образования: материалы Всероссийской научно-методической конференции / под общ. ред. С. В. Лесникова. Сыктывкар: Сыктывкарский государственный университет, 2010. Ч. 3.
29. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998.

Принятые сокращения

- гот. – готский язык
греч. – древнегреческий язык
дор. – дорический диалект древнегреческого языка
др.-в.-н. – древневерхненемецкий язык
ед. ч. – единственное число
лат. – латинский язык
лит. – литовский язык
род. пад. – родительный падеж
скр. – санскрит
ст.-слав. – старославянский язык